

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(2): 148-156

DOI: 10.13187/rs.2019.2.148
www.ejournal15.com

Three Functions of Fire in Slavic Funeral Rite: the Illumination, the Purification, the Way to the Other World (on Polesye Data)

Maria A. Andrunina ^{a,*}

^a Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

At first sight it seems that in big and manifold structure of the Slavic funeral the role of fire is far from being main, although it presents in many forms in all ritual stages: candles burn in hands of dying person or around him, embers from hearth avert evil spirits from the dwelling, by the means of bonfire belongings of dead are delivered to him to the other world and so on. The data gathered in Polesye region shows that all functions of the fire in all its possible incarnations and means (candles, wax from them, bonfires, embers and ashes, fire of oven, sometimes also oven itself and associated tools – pokers etc.) can be reduced to three main themes, governed by ancient mythological and practical meanings: the illumination, the purification from death and the making of symbolical path for the soul of deceased leading him or her to the other world. Again, all these functions and notions are not strictly divided from each other and are not simple and one-dimensional in ritual time and space, all of them are interlaced and combined, sometimes producing new themes, for instance, in remembrance cycle, fire has also the meaning of warming the dead ancestors and bringing them back to life. Over the all meanings and functions of fire in burial rites the symbolism of the psychopomp prevails and it significant in other occasional rites and practices, for example, for finding the body of drowned person the lighted candle inserted in bread loaf is used, which is thought by natives to swim directly to the place there the body is and stay there. So all ranks of mentioned fire connected rites, practices, meanings and beliefs make the symbolism of it capital in funeral (along with the earth and the water), unquestionably archaic and it can be still living possible reminiscences of old cremation customs.

Keywords: Slavic, funeral, burial, remembrance, fire, soul, mythology, dead, the other world, travelling of soul, candle.

1. Введение

В обширном и разветвленном комплексе основанной на ингумации восточнославянской погребальной обрядности, на первый взгляд, огонь играет вспомогательную, далеко не главную роль, хотя постоянно и неизменно присутствует на протяжении всего цикла похоронной и поминальной обрядности в разных инкарнациях: в дыме костров из вещей покойника, указывающем на место нового вторжения смерти в мир живых; в свечах, теплящихся в руках умирающего, возле гроба, на могилах и в домах во время поминальных трапез; в печном пламени, очищающем живых от влияния смерти

* Corresponding author

E-mail addresses: mary-andr@mail.ru (M.A. Andrunina)

и вмещающем в себя души усопших; наконец, в золе и углях, отпугивающих неурочно вернувшихся домой непрошенных мертвых. В данной работе мы рассмотрим символику и прагматику огня на каждом этапе погребального (и в некоторых случаях поминального) обрядов, сделаем попытку прояснить его мифологическое значение в каждом случае, основываясь на компаративном исследовании массива данных и на мотивировках представителей традиционной культуры, полученных от них во время интервью.

2. Материалы и методы

Для исследования были избраны материалы Полесья, одного из самых архаичных славянских регионов, в высокой степени сохранившего традицию и расположенного на границе трех восточнославянских этносов и одного западнославянского, включающего в себя западные области России, северные территории Украины, южную Белоруссию и смыкающегося с восточной Польшей — Подлясьем. Сбор полесских данных осуществлялся в последней трети XX в. (первая экспедиция имела место в 1962 г.) ([Никончук, 1968](#)) рядом институтов под руководством Института славяноведения АН СССР (ныне РАН), где в настоящее время хранится уникальный архив собранного материала. Для сравнительных целей привлекались сведения и из других славянских регионов.

3. Обсуждение и результаты

Как показывает собранный материал, основные функции огня в погребальной обрядности могут быть сведены к *освещению*, в том числе потусторонних путей души; *очищению* живых от смерти и *отправке* на «тот свет» всего принадлежащего покойнику или бывшего в соприкосновении с ним и со смертью (покойницких вещей, щепок от гроба, соломы из постели умершего и пр.).

Освещение. Огонь горячей свечи присутствует в погребальном обряде постоянно, от самого начала, которое в данном случае вовсе не совпадает с моментом смерти человека, а отсчитывается от предсмертных минут угасающего, от агонии. Возле умирающего, у его изголовья зажигали свечу; в ряде случаев ее давали прямо в руки расстающемуся с жизнью и, глядя на огонь, человек переселялся в иной мир. «Све чку-то сви тять. Ка ждому чове кови, кото рый ўжэ вин помира е. То свя ту сви чку сви тять» ([Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровенская область](#)); «Зажига ют све чку. да... Ста вють во зле ёго головы . Или там ко ля бо ку. Ста вють эту све чку» ([Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровенская область](#)); «Ну, я, наприме р, помира ю, ко ло мене сидя ть лу ди, моя родня сидя ть: и они ужэ ба чуть, шо я ужэ ду шу отдау , – дау ть в ру ки све чку, и ужэ тэ ю свечку держу и сконча ю» ([Полесский архив: Выступовичи, Овручский район, Житомирская область](#)).

Во многих случаях подчеркивается, что именно наличие горячей свечи возле умирающего облегчает агонию, дает легкую смерть: «Вро де лэ гшэ вин помира е, бо ему си льно тя жко. Съве чка из цэ ркви» ([Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровенская область](#)); «Як некото рья ва шко [тяжело] помира ють, то па ляць сви чку» ([Полесский архив: Радчицк, Столинский район, Брестская область](#)); «Як умира е ця жко, то грумны чну¹ сви чку дава лы» ([Полесский архив: Спорово, Березовский район, Брестская область](#)); «Як на гро мницу свичкы сви тять, а ле шчэ на Па ску, то як ўмира е й му чыцца, Биг ёму смэ рты не дае , даю ть ту сви чку святу ю» ([Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровенская область](#)).

Свеча, которую держал в руках кончающийся, продолжала гореть в доме на столе при совершении дальнейших обрядов над умершим, либо ее могли заменить на другую свечу (когда эту погашенную клали в гроб) или поставить несколько: «Як помрэ зразу съвечка стоиць, горыць, съвечка» ([Полевые материалы Андрюниной: Бараново, Стародорожский район, Минская область](#)); «Виходит последний воздух, в ручку свечку дают из воску, як вин ўмэр, вибирают свечку, светят и та свечка горит, пока его нэ похоронят» ([Полесский архив: Вышевичи, Радомышльский район, Житомирская область](#)); «Стрече нская све чка. Як умира е – даю ть у ру ки. Свя тять и хава ють мяртвяцу ў гроб» ([Полесский архив: Челхов, Климовский район, Брянская область](#)); «Ў гро б кладу ць све чку, о браз,

¹ Свеча, освященная в церкви в день Сретения (2/15.02.).

желе́зный хре́стик, духа́чки – цве́тненький тако́й о́браз, на це́почке носи́ли» (Полесский архив: Боровое, Рокитновский район, Ровенская область).

Часто указывается, что свеча должна гореть возле поминальной пищи или в посуде с зерном, которое затем посыпали вслед умершему при выносе гроба из дома: «Кагда́ памрэ́, памы юць и кладу́ць, беру́ць плато чек насавы́, све́чечку – и ў ле́вую ру́ку, пра вой ён жа бу́дет крести́цца. И на стол, в банку с крупой ставят свечу́» (Полесский архив: Грабовка, Гомельский район, Гомельская область); «Насы́плюць ба начку жи́та, све́чку ваткну́ць – и чита́юць Псалти́рь» (Полесский архив: Грабовка, Гомельский район, Гомельская область); «[Покойник лежал] на ла́ўцы. На столе стои́ть хлеб, буты́лка и свеча́ стои́ть. [После выноса тела] некото́рые посы́плюць жы́том скрозь по ха́ти [В том числе лавку посыпают]» (Полесский архив: Радчицк, Столинский район, Брестская область); «Як памрэ́, дак жы́то ў стака́нычк сыплю́ць, сьве́чку туды запалы́ць – так стои́ць... А як з ха́ты вуно́сяць – зразу сыплю́ць те жы́то за йм ўслед» (Полесский архив: Ручаевка, Лоевский район, Гомельская область); «Як мертве́ц на ла́ви, шоб сыта́ на столе́ стояла. Све́чка гори́ць коло сыты́» (Полесский архив: Тхорин, Овручский район, Житомирская область); «Ставя́ць на стол буханку хлеба, соль, сьвечку. Бутылку водки» (Полевые материалы Андриюниной: Прусы, Стародорожский район, Минская область).

Свет, горящий возле умирающего и в его доме во время похорон, обязателен: это требуется душе, посещающей родное жилище и нуждающейся в освещении ее пути в потустороннем мире: «В нас стари́люды ка́жуть шо як помрэ́ хтось, то до сорока́ дзень в ха́ти паля́ць сви́тло, шоб душа́ ба́чыла доро́гу на то́му сви́ти» (Полесский архив: Забужье, Любомльский район, Волынская область); «Тры дни чаловека не харанили, патаму что душа тры дня ходит кругом чаловека, он и слышы́ць ўсе́ и види́ць, и як помрэ́ – свеча́ должна гарэ́ць у чаловека, вот что ставя́ць на ку́цэ. Гава́ряць, если свеча́ гары́ць, ён ба́чыць, яму нада свет. Поетаму не туша́ць свячэ́й, каб полну́ю ночь горэ́ла свэ́ча. И душа́ ходи́ць, атдзя́ецца ат тела да сарака́ дней. Яна блужда́ецца сю́да-ту́да, ўсю́ду па́бывае» (Полевые материалы Андриюниной: Левки, Стародорожский район, Минская область).

Горящая свеча сопровождает умершего до самой могилы, ее зажигают на кладбище, передают через яму, забирают домой и делят между собой присутствующие. При закапывании могилы зажигается свеча, она стоит в стакане вместе с пучком травы. Свечу передают, чтобы каждый мог подержать ее в руке (Полесский архив: Выступовичи, Овручский район, Житомирская область); «Як умре́ мертве́ц, су́чуть све́чки <...> Походю́ шча све́чка, шо до мо́гилок бару́ць, а пото́м забира́юць до до́му. Принесу́ць з мо́гилок и по кава́лочку поло́мляць лю́ди. Походю́ шча све́чка хо́дит по всих лю́дех» (Полесский архив: Тхорин, Овручский район, Житомирская область).

Путь на «тот свет». Свет горящей в доме умершего свечи, провожавший на «тот свет» его душу, по некоторым сообщениям, уже не должен зажигаться в неурочное время, то есть после самих похорон, так как это может помешать мертвому благополучно преодолеть все преграды на пути в потусторонний мир. В полесском селе Стодоличи записана быличка о том, что одна женщина из страха жгла свет после похорон отца, который приснился ей и сказал, что все покойники перешли лужу, а он нет из-за горящего в его доме света (Лельчицкий район Гомельской области) (Седакова, 1983: 257).

С помощью огня переправляли в потусторонний мир принадлежащие умершему вещи, избавлялись от вредоносных, запятнанных смертью предметов: щепок от гроба, соломы из постели умершего, полотенца, которым его вытирали, завязок, которыми связывались его руки и пр. Сжигали покойнички предметы чаще всего в усадьбе, на огороде, во дворе, в поле, на улице села или на перекрестке во время проводов гроба на кладбище. В некоторых случаях местом сжигания таких вещей могла оказаться печь: «Сже́чь, сже́чь, ну ў э́том, хочь ў пе́чы, хочь на дварэ́» (Полевые материалы Андриюниной: Бараново, Стародорожский район, Минская область). В печи, помимо одежды покойника, могли сжигать полотенце, которым вытирали умершего, и то, которое висело в доме для души, завязки, которыми связывали ему руки и ноги (Смоленская область) (СМЭС: 21, 92)¹.

¹ В Смоленской области на печь также клали мыло, которым мыли покойника: «А мыло, что яго мыли, положили вот так на печку <...> И на кожухе́ может и год, и два, и пять, и десять лет может пролежать его мыло» (СМЭС: 20–21). В некоторых местностях зафиксирована практика выливания

Остатки предназначенной для душ поминальной еды сжигали в печи после поминок: «На деды, як поминают, из поминального блю да ў блю дечко немного злива ли. А с того блю дечка на другий день выливают на дрова, шоб згорало, а дым – до Бога шобу» (Полесский архив: [Замощье, Лельчицкий район, Гомельская область](#)).

Практически повсеместно постель покойного сжигали на огороде, во дворе, в поле или на улице села, иногда вместе со стружками от гроба и одеждой покойного: «На дварэ э тат разложвали ў саломе, матра сик ка жуць, матра сик пабира ли, стары е, сало май напи ханные бы ли таки е, заши тые, и выно сяць и ўсыпа юць э ти, сало му ту ю, и трэ ски, што ро бяць гроб, раби ли ж у нас з до шчак до ма, грабы, и абяза цэльна ж су шаць до ски стары е, и ро бяць гроб э тый, и сло жаць стру жки ты е, сало му ту ю, адэжу и запа ливаюць (Полевые материалы Андрюниной: [Бараново, Стародорожский район, Минская область](#)). Так же поступали и на Русском севере (Обонежье) (Логонов, 1993: 123), иногда специально подчеркивая, что сжигать их в печи нельзя: «Тры сак, стру жак, каторые из яго гроба, не то пять ў пе чи – хо лодно бу де ў до ме ат э тих тры сак. Их сэро д двара кладу ть аго нь и спа лять» (Полесский архив: [Малые Автюки, Калинковичский район, Гомельская область](#)).

На перекрестках сжигали те «покойницкие» вещи, которые в некоторых областях было принято нести вслед за похоронной процессией, например, предметы, использовавшиеся при обмывании трупа (у русских) (Листова, 1993: 54). На Смоленщине на перекрестках сжигали солому, на которой лежал покойник, голые веники, листьями которых набивали ему подушку, одежду, в которой он умер (СМЭС: 69).

Мотивировки сжигания вещей покойника и предметов, связанных со смертью и погребальным обрядом, варьируются от отправки на «тот свет» всего вредоносного, не принадлежащего миру живых, до пересылания умершему родственнику в потусторонний мир необходимого ему имущества. «Спа ливали. Асо бенна ў чём ён памьёр, абяза цэльна спали ць яго. Патаму што, ка жут, ды м пу йде э тат, ў той аде же там, бу деш там хади ць» (Полевые материалы Андрюниной: [Бараново, Стародорожский район, Минская область](#)); «[если не сжечь одежду] ка жут, што он бу де сницца го лый, разде тый хо диць, быва ло, разде тый хо диць, або бо сый, вот на да и дажэ и та почки, и наски, ў чом быў абяза цэльна» (Полевые материалы Андрюниной: [Бараново, Стародорожский район, Минская область](#)). Направление дыма от такого костра предсказывало, где ожидается следующая смерть: «запаливаюць; ў який бок по йдет дым: если пашоў на сяло, кажуць: “О, нехто памрэ, дым пашоў на сяло”» (Полевые материалы Андрюниной: [Бараново, Стародорожский район, Минская область](#)).

Мотивировки некоторых обычаев содержат архаические мифологические представления о пути на «тот свет» через огонь или огненную преграду. Например, это учитывали при обряжении покойного: «Наде ют ўсе но ве. А одна баба стара я проси ла дочку: Хай мне все старэ нкое, шоп я скорей чэре з огонь перейшла» (Полесский архив: [Дяковичи, Житковичский район, Гомельская область](#)). Те же убеждения могут объяснять зафиксированные в ряде славянских регионов представления о локализации душ умерших в огне, в первую очередь в огне домашней печи и в ней самой. По польскому поверью, после смерти человека его душа укрывается в печи (Biegeleisen, 1930: 23–24). Треск и гудение в печи обозначали, что «души родных или просят о помощи, или вместо ада, мучаются в домашней печи» (Витебская область Белоруссии) (Никифоровский, 1897: 84).

Роль огня, пролагающего, освящающего и обеспечивающего путь покойников, подчеркнута также в магических приемах обнаружения в водоемах тела утопленника для того, чтобы совершить над ним необходимые погребальные обряды. Для этого использовалась свеча, горящая в булке либо на крышке от хлебной дежи, которую пускали

«покойницкой» воды под печь или кухонную плиту (Гомельская, Витебская области Белоруссии; около г. Опочно в Польше) (КРАЕ: 115–116; ТМКБ: 380; Полесский архив): «Под печь льюць во ду, як мертвеца помы юць» (Полесский архив: [Барбаров, Мозырский район, Гомельская область](#)). Иногда эта практика объясняется тем, что посредством вредоносных, смертельных свойств такой воды из дома изгоняются вредные насекомые – для этого в Смоленской области покойницкой водой окропляли печь и стены дома (СМЭС: 78).

по воде: там, где свеча остановится, лежит тело: «Ў дежу́ [кладут] хлеб, на хлеб съвечку ста влять. Дежу́ пуска ють ў во ду. Где ўста не ди жка, там топля нык» (Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровенская область); «ста влять хлеб и свэ чьку, як уто пица люды на, вот у нас о зеро ж, всегда лю ды то пляца, бува е тако е, и пуска ют той хлеб на, з дэжы на то ме ви кове [на крышке] и сви чьку ста влять [свеча пасхальная], запа ливають, де та сви чька кружля е, той, та з дэжы тэ ви ко, вот там вро де, гово рать, бу́ дэ уто нуты» (Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровенская область)¹.

Семантика перехода души умершего на «тот свет» через огонь (и печь) актуальна и вне контекста погребальной обрядности, в окказиональных случаях обычной жизни, в которых все же предвосхищается ожидающий каждого ритуал и создаются благоприятные условия для души в грядущем. Для этого старались не оставлять печь пустой, закончив приготовление пищи и выпечку хлеба, обязательно клали в нее несколько поленьев, аргументируя это следующим образом: «Поле нцы ўки неш, клади́ д'ве́, штоб до брэ перэйти тебе́ на то м с'ве те. Тебе́ на том с'ве ти <...> бу де до бра» (Полесский архив: Дяковичи, Житковичский район, Гомельская область); «Як хлеб вы ймуць, кладу́ ть у печь дрова́ [говорять]: як помре шь, штоб перешоў пе кло [а то в пекле будешь]» (Полесский архив: Стодоличы, Лельчицкий район, Гомельская область); «Поле но ло жыця для того ў печ, штоб як помреш да бу дэш ици чэ рэз мора на тўом све ци да э тые поле но ску ольки ты покла ў ў печ, то стўольки бу дэ пэ рэд тобой дроў ляжа ць и ты бу дэш ици по кла доци» (Полесский архив: Стодоличы, Лельчицкий район, Гомельская область).

Очищение. Апотропеическая и очищающая способности огня широко используются на всех этапах погребальной обрядности, но это уже огонь в ипостаси углей, золы, дыма, огонь печи и она сама, а также печная утварь в ее метонимической связи с огнем. Огонь, по представлениям в традиционной культуре, способен прогнать смерть, отвратить ее вредоносное влияние от дома и семьи умершего, отвадить ходячего покойника.

Для избавления от рокового влияния смерти в Смоленской области России существовал обычай *кадить стол* (окуривать «покойническое» место) после положения умершего на лавку и перед положением в гроб: «Обмыли, положили, у ве чари кадятъ стол, часов у десять стол кадятъ. Этым – воск туды кладуть, вуго лья – и кадятъ, иде он помирал, по хате» (СМЭС: 29). После выноса покойника на место, где стоял гроб, тут же клали оберег – кочергу (Зеленин, 1914–1916: 909). В Заонежье, когда гроб снимали с лавки, под нее сразу с грохотом кидали кочергу или ухват (Логинов, 1993: 156). Также было принято швырять кочергу на то место в доме, где обмывали и обряжали колдуна (Логинов, 1993: 143).

При посещении дома умершего соседи и родственники прикладывали руки к печи прежде чем подойти к покойнику, тем самым заранее обезопасив себя от вредоносного влияния смерти: «Як идеш к пако йнику – уперо́ д ру́ ки ў печ всади́ [в той хате, где покойник лежит], тады можна пудхо дить да яго... Баяться не будеш» (Полесский архив: Ручаевка Лоевский район, Гомельская область). После выноса гроба дети смотрели в печку, засунув в нее голову, «чтобы не видеть покойника и скоро не умереть» (олонецкое) (Топорков, 2009: 41).

Вернувшись после похорон с кладбища, родственники и гости на поминках прикладывали руки к печи и заглядывали в нее, чтобы очиститься от смерти и чтобы умерший не мерещился живым: «[Чтобы не бояться покойника, вернувшись с кладбища, мыли руки и прикладывали их к печке]. Так онэ́ пому юць ру́ ки и так о на пич, так о рука мы, штоб э́ то ни стоя ў ў оча х, поко йнык» (Полесский архив: Стодоличы, Лельчицкий район, Гомельская область); «Як прихо́ дят с кла дбишче, мо́ ят ру́ ки. Три ра́ за помока е на пе́ чи у ко́ мине, шоб тэ ў оча х не уди́ ва ўся тей мертве́ ц» (Полесский архив: Выступовичи, Овручский район, Житомирская область). Вернувшись с кладбища, дотрагивались лицом и двумя руками до печки, чтобы в доме больше не было смертей (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 147). «У пе чку загляда ють, штоб скаре́ е забывався на пакойника. Мы пришли́ с кла дбишча, як мой Ива́ н у мер, ана [соседка] аткры́ ла пе чку и гавари́ ть: “Загляни́ у пе чку! Што там ў тебе́ де лаецца!” Я откры́ ла,

¹ С другой стороны, такие приемы могут отражать старые мифологические представления об огненной природе души, и как частный случай, о свете, небольшом пламени, которое мерещится на тех местах, где зарыты «заложные» покойники (Виноградова, 2011).

в дом следующими словами: «Идите на печь погреться» (Седакова, 2004: 140). В Белоруссии перед поминальным ужином *на деды*¹ к печи придвигали лавку, покрывали ее скатертью, ставили там немного еды и питья, сыпали соль и клали кусок хлеба (Гродненская область) (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 145): «И яны приходзяць, и ставяць им скамеечку, и ставяць за печкой, и ани приходзяць, и в радок садзяцца, як мы абедаем» (Полевые материалы Андрюниной: Бараново, Стародорожский район, Минская область). На польском Поморье *на задушки*² старались хорошо истопить печи, чтобы души возле них могли согреться (Stelmachowska, 1933: 192); для душ в них специально оставляли дрова (КРАЕ: 156) (ср. полесское: «[Если печь бросить пустую, т.е. без хотя бы одного полена в ней] ме́ртвые ду́шы остыва́юц'» (Полесский архив: Дяковичи, Житковичский район, Гомельская область)). Возле печи клали и другие предметы, предназначенные душам: в селах восточной Польши на ночь в *задушки* хозяйка придвигала к натопленной печи лавку, ставила на нее сосуд с водой, клала гребень, мыло и полотенце, чтобы души могли вымыться и причесаться; на этой же лавке оставляли мелкие деньги, крестик и молитвенник для умерших (КРАЕ: 159). Идея согревания, обогревания мертвых родителей проявляется и в терминологии разобранного Д.К. Зелениным народного обычая «греть покойников», зафиксированного в Курской, Тамбовской, Орловской губерниях и носившего явный задушный характер. Он является, скорее всего, реликтом жертвоприношения умершим предкам и испрашиванием у них помощи и хозяйственного благополучия в наступившем аграрном году (Зеленин, 1994). В конечном итоге перечисленные функции огня сводятся к общей идее правильного и благополучного перехода на «тот свет», что в свою очередь может быть реликтом древних ритуалов трупосожжения.

Литература

- Виноградова, 2011 — Виноградова Л.Н. Светоносные ночные духи в мифологии западных и южных славян // Балканские чтения 11. Балканский спектр: От света к цвету. Тезисы и материалы / ред. Макарцев М.М., Седакова И.А., Цивьян Т.В. М.: Пробел-2000, 2011. С. 40–44.
- Зеленин, 1914–1916 — Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского Географического Общества. Петроград: типография А.В. Орлова, 1914–1916. Вып. 1–3 (продолжающаяся пагинация во всех выпусках).
- Зеленин, 1994 — Зеленин Д.К. Народный обычай «греть покойников» // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 164–178.
- Листова, 1993 — Листова Т.А. Похоронно-поминальные обычаи русских (на материалах Псковской и Смоленской областей) // Похоронно-поминальные обычаи и обряды / науч. ред. З.П. Соколова, И.А. Кремлева. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1993. С. 48–83.
- Логинов, 1993 — Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. 228 с.
- Никифоровский, 1897 — Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Собрал в Витебской Белоруссии Н.Я. Никифоровский. Витебск: Губернская типолитография, 1897. 308 с.
- Никончук, 1968 — Никончук Н.В. Хроника полесских экспедиций // Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика) / отв. ред. В.В. Мартынов, Н.И. Толстой. М.: Наука, 1968. С. 300–302.
- Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986 — Пахаванні, памінкі, галашэнні / гал. рэд. А.С. Фядосик. Мінск: Навука і тэхніка, 1986. 614 с.
- Полевые материалы Андрюниной — Полевые материалы Андрюниной М.А., рукопись. Москва.
- Полесский архив — Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, рукопись, Москва.

¹ Календарные поминки, отмечающиеся в домах несколько раз в год (от трех до шести) (бел., укр.).

² У славян католического вероисповедания — главные в году поминальные дни, приуроченные к первым числам ноября.

Седакова, 1983 — Седакова О.А. Материалы к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М.: Наука, 1983. С. 246–262.

Седакова, 2004 — Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 319 с.

СМЭС — Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / отв. ред. О.А. Пашина, М.А. Енговатова. М.: Индрик, 2003. 548 с.

ТМКБ — Традиционная мастацкая культура беларусаў. Т. 2. Віцебскае Падзвінне / агул. рэд. Т.Б. Варфаламеева. Мінск: Беларуская навука, 2004. 910 с.

Топорков, 2009 — Топорков А.Л. Печь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. С. 39–44.

Biegeleisen, 1930 — Biegeleisen H. Śmierć w obrzędach, zwyczajach i wierzeniach ludu polskiego. Warszawa: Dom Książki Polskiej S-ka Akc, 1930. 348 s.

КРАЕ — Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego. Т. 5. Zwyczaje, obrzędy i wierzenia pogrzebowe / pod redakcją naukową J. Bohdanowicza. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze Wydawnictwo, 1999. 225 s.

Stelmachowska, 1933 — Stelmachowska B. Rok obrzędowy na Pomorzu. Toruń: Instytut Bałtycki, 1933. 271 s.

References

Vinogradova, 2011 — Vinogradova L.N. (2011) Svetonosnye nochnye duhi v mifologii zapadnyh i yuzhnyh slavyan [Flashing night spirits in Western and Southern Slavic mythology]. Makarcev M.M., Sedakova I.A., Civ'yan T.V. (Eds). Balkanskij spektr: ot sveta k cvetu. Tezisy i materialy. [Balkan spectrum: from light to color. Proceedings and materials]. Moscow: PROBEL-2000, pp. 40–44 [in Russian]

Zelenin, 1914–1916 — Zelenin D.K. (1914–1916) Opisanie rukopisej Uchenogo arhiva Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. [Catalog of manuscripts of scientific archive of Russian Imperial geographic society]. Petrograd: Tipografiya A.V. Orlova, Is. 1–3 (continued pagination in all the issues) [in Russian]

Zelenin, 1994 — Zelenin D.K. (1994) Narodnyj obychaj «gret' pokojnikov» [Folk custom “warming of the dead”]. Izbrannye trudy. Stat'i po duhovnoj kul'ture 1901–1913 [Selected works. Articles on spiritual culture 1901–1913]. Moscow: Indrik, pp. 164–178 [in Russian]

Listova, 1993 — Listova T.A. (1993) Pohoronno-pominal'nye obychai russkih (na materialah Pskovskoj i Smolenskoj oblastej) [Russian funeral and remembrance customs (on data from Pskov and Smolensk provinces)]. Sokolova Z.P., Kremleva I.A. (Eds). Pohoronno-pominal'nye obychai i obryady [Funeral and remembrance customs and rites]. Moscow: Nauka, pp. 48–83 [in Russian]

Loginov, 1993 — Loginov K.K. (1993) Semejnye obryady i verovaniya russkih Zaonezh'ya. [Family customs and beliefs of Russians in Zaonezh'ye region]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS Publishers, 228 p. [in Russian]

Nikiforovskij, 1897 — Nikiforovskij N.YA. (1897) Prostonarodnye primety i pover'ya, suevernye obryady i obychai, legendarnye skazaniya o licah i mestah. Sobral v Vitebskoj Belorussii N.YA. Nikiforovskij. [Folk signs and beliefs, superstitious rites and customs, legendary tales of persons and places. Collected by N.YA. Nikiforovskij in Vitebsk Belorussia]. Vitebsk: Gubernskaya tipolitografiya, 308 p. [in Russian]

Nikonchuk, 1968 — Nikonchuk N.V. (1968) Hronika polesskih ehkspedicij [Polesye field work chronicles]. Martynov V.V., Tolstoj N.I. (Eds.). Poles'e (Linvistika. Arheologiya. Toponimika) [Polesye (Linguistics. Archeology. Toponimics)]. Moscow: Nauka, pp. 300–302 [in Russian]

Pahavanni, paminki, galashehnni, 1986 — Fyadosik A.S. (Ed.). Pahavanni, paminki, galashehnni [Funeral. Remembrance. Keens]. Minsk: Navuka i tehkhnika, 1986. 614 p. [in Belorussian]

Polevye materialy Andryuninoj — Polevye materialy Andryuninoj M.A. [Field data of Andrunina M.A.], manuscript, Moscow.

Polesskij arhiv — Polesskij arhiv sektora ehtnolingvistiki i fol'klora Instituta slavyanovedeniya RAN [Archive of Polesye data of Department of ethnolinguistic and folklore of Institute of Slavic Studies of RAS], manuscript, Moscow.

Sedakova, 1983 — *Sedakova O.A.* (1983) Materialy k opisaniyu poleskogo pogrebal'nogo obryada [Data for description of Polesye funeral ritual]. Tolstoj N.I. (Ed.). Poleskij ehtnolingvisticheskiy sbornik: Materialy i issledovaniya [Polesye ethnolinguistic collection: Data and researches]. Moscow: Nauka, pp. 246–262. [in Russian]

Sedakova, 2004 — *Sedakova O.A.* (2004) Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnyh i yuzhnyh slavyan [Poetic of rite. Funeral rites of Eastern and Southern Slavs]. Moscow: Indrik, 319 p. [in Russian]

SMES — Pashina O.A., Engovatova M.A. (Eds.). Smolenskij muzykal'no-ehnologicheskiy sbornik. T. 2. Pohoronnyj obryad. Plachi i pominal'nye stihi [Musical-ethnographical collection of Smolensk. Vol. 2. Funeral rite. Keens and remembrance poetry]. Moscow: Indrik, 2003. 548 p. [in Russian]

ТМКБ — Varfalameeva T.B. (Ed.). Tradycyjnaja mastackaja kul'tura belarusaw. T. 2. Vicebskae Padzvinne [Traditional art culture of Belorussians. Vol. 2. Dvina's Vitebsk region]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2004. 910 p. [in Belorussian]

Топорков, 2009 — *Топорков A.L.* (2009) Pech' [Hearth]. Tolstoj N.I. (Ed.). Slavyanskije drevnosti. Ehtnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary] Vol. 4. P (Pereprava cherez vodu) – S (Sito). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, pp. 39–44. [in Russian]

Biegeleisen, 1930 — *Biegeleisen H.* (1930) Śmierć w obrzędach, zwyczajach i wierzeniach ludu polskiego [Death in rites, customs and beliefs of Polish folk]. Warszawa: Dom książki polskiej S-KA AKC, 344 p. [in Polish]

КРАЕ — Bohdanowicz J. (Ed.). Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego. T. 5. Zwyczaje, obrzędy i wierzenia pogrzebowe [Comments on polish ethnographic atlas. Vol. 5. Funeral customs, rites and beliefs]. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze Wydawnictwo, 1999. 225 p. [in Polish]

Stelmachowska, 1933 — *Stelmachowska B.* (1933) Rok obrzędowy na Pomorzu [Ritual year in Polish seashore region]. Toruń: Baltic Institute Publ., 271 p. [in Polish]

Три функции огня в славянской погребальной обрядности: освещение, очищение, путь в иной мир (на полесском материале)

Мария Александровна Андриянина ^{a, *}

^a Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация: В обширном и разветвленном комплексе основанной на ингумации восточнославянской погребальной обрядности, на первый взгляд, огонь играет вспомогательную, далеко не главную роль, хотя постоянно и неизменно присутствует на протяжении всего цикла похоронной и поминальной обрядности в разных инкарнациях: в дыме костров из вещей покойника, указывающем на место нового вторжения смерти в мир живых; в свечах, теплящихся в руках умирающего, возле гроба, на могилах и в домах во время поминальных трапез; в печном пламени, очищающем живых от влияния смерти и вмещающем в себя души усопших; наконец, в золе и углях, отпугивающих неурочно вернувшихся домой непрошенных мертвых. Как показывает собранный на территории Полесья и в сопредельных землях материал, основные функции огня в погребальной обрядности могут быть сведены к освещению, в том числе потусторонних путей души; очищению живых от смерти и отправке на «тот свет» всего принадлежащего покойнику или бывшего в соприкосновении с ним и со смертью (покойничьих вещей, щепок от гроба, соломы из постели умершего и пр.); в конечном итоге сводящиеся к общей идее правильного и благополучного пути в иной мир, что в свою очередь может быть современным реликтом древних ритуалов трупосожжения.

Ключевые слова: славянский, погребальный обряд, поминки, огонь, свеча, душа, тот свет, путь, мифология, умерший.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mary-andr@mail.ru (М.А. Андриянина)